

Хотя всё произошедшее оказалось лишь сном, его пугающая реалистичность изрядно истощила душевные силы А-Эра. Даже Рей Фуруя настоятельно советовал ему провести в постели ещё несколько дней.

Однако А-Эр всё равно тайком ускользнул из палаты.

Он терпеть не мог подобные места, подсознательно чувствуя себя в них незащищённым.

Ему нужно было навестить родителей — приёмных, если быть точным.

Из всех воспоминаний, доставшихся ему вместе с этой оболочкой, ярче всего в памяти А-Эра запечатлелся день, когда отчим взял его за руку и увёл из сиротского приюта.

У супругов уже была дочь, немая от рождения. Они не планировали заводить второго ребёнка, опасаясь обделить девочку вниманием, и уж тем более не собирались никого усыновлять. Но в тот день они почему-то решились и забрали его с собой.

И они окружили его искренней заботой.

В высокотехнологичном мире его настоящей реальности человеческие отношения давно превратились в ледяную пустыню. Чтобы продолжить род, требовалось лишь сдать генетический материал — и машины штамповали новые жизни на конвейере. Куда больше людей заботило получение лицензий на размножение и распределение ресурсов. А-Эр был частью одной из таких массовых партий. Его, как и всех сиблингов, вырастил искусственный интеллект. Своих кровных родителей они не видели ни разу.

Впрочем, братья и сёстры по инкубатору относились к нему хорошо. Их связь была куда крепче, чем у большинства обычных семей, но лёгкая, едва уловимая дистанция всё же сохранялась.

Объяснялось всё просто. Их партию создавали с конкретной целью — вырастить «безгрешных кумиров», способных исцелить истощённые, suffering души людей той эпохи. А-Эр же оказался браком, дефектным образцом, сохранившим память о прошлой жизни. Он совершенно не понимал, что такое истинное милосердие, жертвенность или вселенская любовь.

По инструкции такой брак подлежал немедленной утилизации или, в лучшем случае, переработке. Но его братья и сёстры, будучи теми самыми «святыми», чьё благородство и сострадание были вшиты в самую суть, просто не смогли бросить его на убой.

Они сговорились и утаили аномалию А-Эра.

Существа, лишённые личных желаний и эгоизма от рождения, совершили своё первое тяжкое преступление только ради того, чтобы защитить его.

И всё же они оставались бесконечно далёкими друг от друга. Их разум разделяла непреодолимая пропасть.

В своей прошлой жизни А-Эр застал суровые времена земного апокалипсиса. Мораль тогда ценилась дешево — аномальные катаклизмы, вечный голод и дефицит тёплой одежды ломали даже самых стойких.

Когда на кону стоит элементарное выживание, глупо рассуждать о нравственности.

Сам А-Эр, впрочем, знал об всём лишь понаслышке — он ни разу не выходил за пределы исследовательского комплекса. Брошенный сирота военных лет, он практически вырос в лаборатории. Стоило в нём проснуться аномальной силой, как его заперли в стеклянной колбе с питательной жидкостью, превратив в объект вечных, изнурительных опытов.

Кошмар продолжался до тех пор, пока его сила не вышла из-под контроля, едва не утащив за собой в могилу всю планету. В тот день резервуар наконец разлетелся вдребезги, а самого его дотла выжгло очищающее пламя. Спустя столетия он переродился в новой эпохе — когда люди покинули мёртвую Землю и устремились к звёздам.

А-Эр не подходил на роль идеального святого, поэтому ему оставалось лишь искусно притворяться им, тайно оберегая покой своих братьев и сестёр. На правах их безжалостного «рыцаря» он пускал на удобрения наёмных убийц враждебных фракций и чересчур навязчивых фанатов.

Впрочем, сиблинги действительно делали всё возможное, чтобы скрасить его существование. Эта игра в виртуальной реальности была их особым подарком на его день рождения.

Запустив симулятор впервые, зелёный новичок А-Эр долго не мог освоиться в непривычном мире. Он совершенно не умел выражать эмоции на лице, а потому безжалостно прокручивал раннее детство на автопилоте, возвращаясь к управлению только в моменты важных сюжетных развилок по сигналу Системы.

Он хотел побыть сторонним наблюдателем, присмотреться к правилам и уже потом включиться по-настоящему. Кто же знал, что автопилот умудрится поймать случайный триггер с похищением детей? Туповатый ИИ, управлявший телом Кадзумы Арааки, даже не подумал бежать и послушно дал себя увести.

А-Эру пришлось экстренно перехватывать контроль. Кое-как вырвавшись из логова похитителей, он из-за вечно застывшей мимики заработал диагноз «тяжёлое ПТСР». А Система тут же расщедрилась на карту статуса. Теперь при активации ПТСР разум Кадзумы погружался в хаос, сопровождаемый целым ворохом дебаффов.

Амнезия была одним из таких дебаффов, причём неизлечимым. Похоже, стёртые воспоминания охватывали как раз период до семи лет — его пребывание в Организации бок о

бок с Джином и последующий побег.

Впрочем, всё это случилось давно. А-Эр уже не был тем беспомощным новичком, да и карта ПТСР не напоминала о себе много лет.

Слишком он отвлёкся. Из-за всех тайн, окутывавших его оболочку, А-Эр не мог просто ввалиться в дом с криком: «Мама, папа, я вернулся!» Переодевшись в простую будничную одежду, он стёр своё присутствие и остался наблюдать издалека.

Похоже, жили они счастливо. Отчим, в прошлом офицер полиции, теперь всю наслаждался ролью домохозяина — вернувшись с рынка, он увлечённо обсуждал кулинарные тонкости с соседями. Мать руководила процветающей фирмой; сквозь стекло А-Эр разглядел, как она с мягкой улыбкой воркует с кем-то по телефону.

Налюбовавшись на родителей, он вернулся на кладбище, из земли которого не так давно буквально вылез. Опустившись на корточки перед надгробием Харуки Арааки, А-Эр осторожно похлопал по холодному граниту:

— Прости, Харука, в прошлый раз ушёл по-английски. Надеюсь, ты на меня не в обиде?

В полузабытьи ему почудилось, будто перед ним стоит та самая малышка, которой так и не суждено было повзрослеть, и пристально смотрит на него глубоким изумрудным взглядом.

— Кадзума?..

Знакомый голос мгновенно развеял наваждение. А-Эр обернулся.

Тихое, торжественное кладбище тонуло в серо-белом безмолвии, и лишь сочная зелень вековых деревьев да яркие лепестки цветов у могил оживляли этот пейзаж. Посреди аллеи стоял мужчина, чьи слегка вьющиеся чёрные волосы на солнце отливали каштаном. В левой руке он сжимал пышный букет лилий в каплях росы, а в правой держал пару холщовых сумок с яблоками и инструментами для уборки. Видимо, тоже пришёл навестить усопших.

— Дзинпэй, — нерешительно окликнул его А-Эр.

Мужчину звали Дзинпэй Мацуда. Вместе со своим другом детства, Кэндзи Хагиварой, они были важными фигурами в этом мире и служили сапёрами в отделе по борьбе с терроризмом департамента общественной безопасности.

Кадзума сдружился с этой парочкой ещё в начальной школе. Впрочем, такой тесной связи, как между Дзинпэем и Кэндзи, у них не сложилось. Кем он был для них? Наверное, просто хорошим товарищем.

В таких тонкостях А-Эр разбирался из рук вон плохо. Стоило ему узнать, что за отключение индикатора привязанности дают двойные очки, он больше ни разу не проверял уровень чужой симпатии к себе.

Он посмотрел на застывшего Дзинпэя, гадая, как тот поступит дальше. О чём спросит? Как покойник умудрился восстать из мёртвых? Что он тут делает?

Лицо Мацуды оставалось абсолютно бесстрастным, не выдавая ни единой эмоции. Брюнет не сводил с него пристального синего взгляда, будто пытался наглядеться на всю оставшуюся жизнь. В звенящей тишине секунды растянулись до бесконечности. Наконец, Дзинпэй твёрдым шагом направился прямо к нему.

Однако, подойдя вплотную, он даже не взглянул на А-Эра. Молча встав перед надгробием Харуки, Дзинпэй аккуратно положил лилии и сумку с фруктами на землю, достал из второго пакета щётку, тряпку, мешок для мусора, благовония и буднично принялся наводить порядок.

— Слишком уж ловко у тебя получается, — не удержался от шпильки А-Эр.

Особого удивления он, впрочем, не испытал: Дзинпэй всегда ладил с Харукой. Когда в детстве Кадзума впервые познакомил сестрёнку со своими друзьями, Мацуда сразу стал относиться к ней как к младшей сестре.

Узнав о её гибели, Мацуда даже расплакался. А-Эр, тогда ещё совсем зелёный в игре, искренне недоумевал и прямо спросил его, зачем лить слёзы. Дзинпэй от такого вопроса опешил, а затем пришёл в ярость. Дело кончилось дракой. Вернее, Мацуда яростно размахивал кулаками, а А-Эр послушно уклонялся — характеристики у Кадзумы к тому моменту были запредельными. Самое забавное, что от этого глухого сопротивления Дзинпэй взбесился ещё сильнее. Разнимать их пришлось подросшему Хагиваре.

После того случая Дзинпэй объявил А-Эру бойкот, но со временем они как-то незаметно помирились. С тех пор они частенько приходили сюда втроём. Позже, когда Кадзума внедрился в Чёрную организацию, общение сошло на нет, но, тайно навещая сестру, А-Эр всякий раз находил на могиле свежие цветы и подношения.

Сапёр промолчал. словно не замечая стоящего рядом парня, он сосредоточенно выполол редкие сорняки, бережно смёл пыль с плиты и протёр гранит влажной тряпкой. Место упокоения и без того выглядело ухоженным, но Мацуда с дотошностью перфекциониста доводил порядок до абсолюта.

Воскурив благовония, он присел на корточки и по привычке полез в карман за пачкой сигарет, но вовремя отдёргнул руку. Тяжело вздохнув, он пробормотал:

— Хотя если закурю при твоей сестре, ты ведь опять устроишь мне головомойку.

А-Эр опустился рядом и, подперев щеку ладонью, согласно кивнул:

— Вот именно. Нечего травить детей табачным дымом.

Хотя доживи Харука до наших дней, ей бы уже перевалило за двадцать.

— Время летит... — негромко проговорил Дзинпэй, невидящим взором уставившись на гранитную плиту. — Вот уже несколько лет, как ты ушёл.

А-Эр на мгновение задумался, догадываясь о причинах его странного поведения. Он ободряюще похлопал Мацуду по плечу:

— Дзинпэй?

Тот лишь нахмурился и тихо пробормотал под нос:

— Надо же... Галлюцинации стали настолько осязаемыми?

А-Эр лишился дара речи.

Он размахнулся и со всей силы хлопнул Мацуду по спине. От неожиданного толчка тот едва не полетел лицом прямо на надгробие Харуки, но А-Эр вовремя поймал его за плечо, удерживая на месте.

Мацуда медленно повернул голову... Его глаза округлились от предельного изумления.

— Кадзума?! — ошарашенно выдохнул он.

— Так ты думал, что я тебе чужую?! — А-Эр изумился ещё сильнее.

Теперь-то понятно, почему Мацуда упорно делал вид, будто его здесь нет. Но с каких это пор суровый сапёр страдает видениями? Это что ещё за неканон?!

— Да нет, погоди... Какого?.. — Дзинпэй растерянно забормотал и потёр переносицу, пытаясь стряхнуть наваждение. Но «призрак» и не думал исчезать.

— Издеваешься надо мной? — проговорил он пересохшими губами, словно в бреду. — Ты же погиб несколько лет назад! Какая к чёрту реальность?

А-Эр расплылся в улыбке:

— Ну прости! Так соскучился по тебе, что пришлось раскопать могилку и вылезти обратно!

— Чую, ты эту хохму уже кому-то задвигал, — хмуро бросил Дзинпэй.

— Кхм. В общем, я посмотрел пару рекламных роликов за бесплатный респаун и вернулся! Ну как, рад? Удивлён?

— Да ладно тебе... Воскрешение? Такое дерьмо только в играх бывает...

«Вообще-то мы прямо сейчас в ней и сидим», — мысленно хмыкнул А-Эр.

Кое-как сшив белыми нитками полуправду и опустив системные детали, А-Эр заставил приятеля поверить в чудо. Дзинпэй не стал допытываться — шок слишком сильно притупил бдительность, — и они вместе зашагали к машине, решив продолжить разговор у него дома.

Точно так же, как в реальном мире он из вечной тревоги тайно следил за своими братьями и сёстрами, А-Эр не выпускал из виду Мацуду и Хагивару даже после того, как оборвал все связи. Он регулярно навещал их — разумеется, из тени.

Специфика их опасной работы вынуждала его держать ухо востро. А-Эр взял на карандаш всех известных террористов-подрывников и походя убрал нескольких безумцев, планировавших теракты. Опасные наклонности в людях он научился распознавать мгновенно.

Но когда в конце первого раунда Кадзума «погиб», слежка, естественно, прекратилась. За прошедшее время Дзинпэй сменил квартиру, а у восстановшего из мёртвых А-Эра накопилось столько неотложных дел, что разузнать новый адрес руки так и не дошли.

По дороге к парковке А-Эр старался держаться как можно естественнее. С его броской внешностью лучшим способом не привлекать внимания было слиться с толпой, задействовав пассивный навык маскировки.

Он сутулил плечи, слегка подавшись вперёд. Одежда сидела на нём небрежно и мешковато, походка сделалась шаркающей, а в лице появилось то самое трусливо-наглое выражение, свойственное мелким уличным хулиганам. Со стороны он казался обычным, слегка неприятным оборванцем. И пускай его выдавали белоснежные волосы и слишком правильные черты лица, сейчас даже близкие друзья едва ли признали бы в этой карикатуре утончённого Кадзуму Арааки или леденящего душу киллера по кличке Икарос.

Единственной деталью, которая по-настоящему резала глаз, был его ворот. Мацуда невольно уставился на бледную шею А-Эра: там багровел отчётливый, жуткий след от удушения, напоминавший тяжёлый чёрный ошейник, намертво сковавший своего владельца.

Мацуда нахмурился и, повинувшись порыву, коснулся этой отметины. Жар его ладони отозвался

резким уколom в сознании А-Эра, заставив того невольно вздрогнуть. Дзинпэй спросил с глухой яростью в голосе:

— Кто это с тобой сделал?..

Кто оставил этот жуткий след? Кто... задушил тебя?

А-Эр лишь моргнул, но уклоняться не стал. Вместо этого он перехватил руку друга и плотнее прижал её к своему горлу, закрывая уродливый рубец. Заметив замешательство Мацуды, он мягко улыбнулся:

— Видишь? Кожа тёплая. Я живой, Дзинпэй.

Хотя лицо сапёра всё ещё выражало крайнее недовольство, расспрашивать дальше он не стал.

«Господи, — мысленно вздохнул А-Эр. — Неужели след от удушения, который оставил мне Джин в первом раунде, превратился в какой-то вечный дебафф? Столько времени прошло, а он всё не исчезает».

Теперь каждый встречный считал своим долгом поинтересоваться, откуда у него эта отметина.

Тут же в мыслях нарисовалась Система:

[Говорят, родимые пятна — это следы травм из прошлой жизни. В твоём случае это работает буквально. В конце концов, в первом раунде тебя именно задушили]

Доля правды в этих словах, конечно, была, но глумливый тон Системы раздражал настолько, что А-Эр привычным ментальным пинком отправил её в нокаут.

Поправив воротник, он натянул его повыше. Затем, словно само собой разумеющееся, ловко выудил из нагрудного кармана Мацуды тёмные очки и нацепил их на нос, пряча приметные розовые глаза.

— Ну как? Идёт? — весело поинтересовался он.

Дзинпэй даже не стал спрашивать, как тот догадался, где лежат очки — Кадзума всегда подмечал подобные мелочи с первого взгляда.

Вспомнив их первую встречу много лет назад, Мацуда покачал головой:

— Надо же, как ты наловчился кривляться. А ведь в детстве из тебя и улыбки нельзя было

выжать, ходил с каменной физиономией.

«А как иначе, я всё-таки ветеран второго раунда», — мысленно погордился собой А-Эр, но вслух, не выходя из образа уличного повесы, лениво протянул:

— Ну так я, вообще-то, в театральном кружке состоял, если ты забыл.

Вступил он туда, правда, чисто из любопытства — контролировать мимику в то время ему давалось с огромным трудом. Руководитель кружка принял безэмоциональное полено исключительно за красивые глаза.

Нахлынувшие воспоминания наконец растопили лёд на лице Дзинпэя. Он заметно расслабился и с усмешкой поддразнил:

— Ещё бы. Помню я твоё первое выступление. Ты умудрился споткнуться прямо на выходе и едва не пропахал сцену носом.

Заметив, что напряжение наконец оставило друга, А-Эр облегчённо вздохнул.

Поняв, что перед ним настоящий, живой Кадзума, Дзинпэй из последних сил сдерживал бурю эмоций, отчего его лицо казалось каменным. А уж этот жуткий след на шее окончательно испортил ему настроение.

А-Эр уже прикидывал, какими ухищрениями возвращать другу хорошее расположение духа, но Дзинпэй оказался всё таким же отходчивым, как и в юности.

Эта мрачная мина совершенно ему не шла. Куда лучше на нём смотрелись культовые тёмные очки и дерзкая, уверенная улыбка наглого гения.

— Ты чего скалишься? — покосился на него Дзинпэй.

— М-м? — А-Эр весело прищурился из-под стёкол очков. — Да так, вспомнил, как ты сидел в зрительном зале и, завидев моё падение, с диким криком бросился на сцену ловить меня. Зрители решили, что это часть шоу, да и актёры знатно прифигели, решив, что это такая неожиданная импровизация. В итоге тебе пришлось взять себя в руки и отыграть со мной до конца сцены. А Хагивара всё это заснял.

Они тогда ставили шуточную версию «Белоснежки» с кроссдрессингом. А-Эру изначально прочили роль безмолвного стражника, но руководитель кружка, покорённый его красотой, в последний момент всучил ему роль Злой Королевы. Вскочившему на подмостки Мацуде пришлось на ходу вживаться в роль... суровой охотницы.

А-Эр, разумеется, так и не сознался, что то неловкое падение было случайным системным событием. В его виртуальной галерее до сих пор хранилась памятная CG-иллюстрация, запечатлевшая вытянутое от ужаса лицо маленького Дзинпэя в нелепом костюме.

Попытка подколоть друга обернулась против самого Дзинпэя, и тот лишь раздосадованно цыкнул.

— Да ладно тебе дуться, — А-Эр легонько пихнул его локтем в бок. — Давай как-нибудь выберем время, заберём у Хагивары ту запись, сядем на диван, откроем пиво и поностальгируем.

— Смотри не пожалей, — фыркнул Дзинпэй. — Хаги наверняка сохранил кучу компромата на тебя.

Вопреки ворчливому тону, уголки его губ дрогнули в тёплой улыбке, а в глубине синих глаз затеплилась неподдельная радость.

Они сели в машину. Щёлкнули замки ремней безопасности, взревел мотор, и автомобиль плавно вырулил с парковки. Разговор утих. А-Эр прислонился виском к прохладному стеклу, рассчитывая немного вздремнуть, но взгляд его то и дело косился на сосредоточенного Дзинпэя.

Глядя на его профиль, А-Эр вдруг осознал простую вещь: дело было вовсе не в уступчивости характера Дзинпэя. Мацуда просто искренне, всем сердцем дорожил их дружбой.

От этой внезапной мысли мыслительные процессы А-Эра на мгновение зашли в тупик.

— Что-то не так? — спросил Дзинпэй, не поворачивая головы.

— Всё в порядке, — А-Эр быстро справился с удивлением и легкомысленно протянул: — Просто не ожидал, что ты, оказывается, настолько сильно меня любишь.

Дзинпэй поперхнулся воздухом и едва не крутанул руль:

— Слышь! Формулируй как-то поаккуратнее, ладно?! Я натурал! Стопроцентный!

— Да неужели? — протянул А-Эр.

— Именно!

А-Эр искренне не понимал причин такой бурной, граничащей с паникой реакции. В его родном

мире будущего, где детей выращивали в инкубаторах, смена пола считалась простейшей косметической процедурой, а уж сексуальные предпочтения вообще никого не волновали.

Впрочем, это не помешало ему состроить крайне красноречивую и полную сомнения гримасу:

— Ну-ну... Раз ты так говоришь...

Мацуда окончательно растерялся и поспешил исправиться:

— Эй! Я имел в виду исключительно себя! Сам-то я натурал, но выбор своих друзей уважаю и полностью поддерживаю!

Глядя на то, с каким серьёзным лицом оправдывается гроза преступного мира, А-Эр не выдержал и звонко рассмеялся. Только тут до Дзинпэя дошло, что его бессовестно разыграли.

— Кадзума Арааки! — взревел он, багровея от праведного гнева.

— Ну не сердись, малютка Дзинпэй~

— Заткнись! И не смей говорить как Хагивара!

<http://bllate.org/book/18335/1760491>